

Поездка въ чужіе края К. С. Аксакова *)).

(Письма къ роднымъ).

XXX.

Вѣрьте.

11 августа (30 іюля).

Вчера вечеромъ я развеселился нѣсколько⁸⁵⁾, и, можетъ быть, былъ бы совершенно спокоенъ, если-бы могъ только быть увѣренъ, что вы здоровы, дражайшіе родители мои, если-бы имѣлъ хотя за мѣсяць о васъ извѣстіе; нынче былъ опять на почтѣ, и опять тотъ же отвѣтъ: нѣтъ писемъ! Конечно, очень можетъ случиться, что при безпрестанныхъ пересылкахъ письмо можетъ потеряться или, по крайней мѣрѣ, доходить медленно; но развѣ это пріятно? Къ тому же неизвѣстность... Богъ знаетъ, чего не придумаешь. Когда-то получу я письма отъ васъ, дражайшіе родители мои!

Но уже давно не говорилъ я съ вами о томъ, что со мной было въ это время. Я остановился, кажется, на томъ, какъ я оставилъ Рудольфштадтъ. Рейсфангъ, книгопродавецъ, уже сидѣлъ въ дилижансѣ и сказалъ мнѣ, что у насъ будетъ третій товарищъ,—человѣкъ очень замѣчательный, по словамъ его,—капитанъ фонъ-Голлеренъ. Добрый Рейсфангъ подарилъ мнѣ на память маленькую книжку, гдѣ подробно описывается, какъ возникла и исполнилась мысль о томъ, чтобы поставить бюстъ Шиллеру; изъ этой книжки видно, между прочимъ,

*) См. „Б. В.“ Сентябрь 1916 г.

⁸⁵⁾ К. С. Аксаковъ, не смотря на весьма недолгое пребываніе въ чужихъ краяхъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше начиналъ страдать приливами тоски по родинѣ, по горячо любимой имъ Россіи, и приливами тоски по роднымъ своимъ, которыхъ онъ очень любилъ и съ которыми до этой поездки никогда надолго не разлучался.

какъ выросло вліяніе Шиллера въ Германіи. Мы остановились у замка; капитанъ вышелъ и сѣлъ въ карету, и мы отправились далѣе. Капитанъ, человекъ пожилой, разспрашивалъ Рейсфанга о вчерашнемъ собраніи, въ которомъ танцевали до 4 часовъ, а оставались до 7 часовъ. Каковы нѣмцы! До самаго пріѣзда въ Веймаръ я почти ничего не говорилъ съ капитаномъ. Мы пріѣхали поздно—и сейчасъ же взяли мѣсто въ дилижансѣ, который долженъ былъ выѣхать въ 3 или 4 часа утра.

— Мы возьмемъ на это время одну комнату,—сказалъ капитанъ (Рейсфангъ, который отправлялся далѣе въ Лейпцигъ въ часъ утра, помѣстился особо).

Тутъ мы разговорились. Онъ спросилъ меня, куда я ѣду. Я отвѣчалъ: „въ Швейцарію, въ Люцернъ, и думаю провести тамъ мѣсяць или два“. Онъ объѣздилъ Швейцарію, сталъ рассказывать мнѣ про нее, и мы скоро подружились: въ самомъ дѣлѣ, это—прекрасный, умный человекъ.

Въ четвертомъ часу отправились мы далѣе, и, такъ какъ сѣли въ карету, а не въ кабриолетъ (т. е. переднія мѣста), то у насъ было еще четверо товарищей: нѣмцы и грекъ.

Въ Эрфуртѣ успѣли мы только взглянуть на церковь готической архитектуры и на новый театръ. Мы пересѣли въ другой дилижансѣ и на этотъ разъ сѣли въ кабриолетъ: я всегда добиваюсь мѣста въ немъ, потому что въ немъ гораздо просторнѣе сидѣть, меньше товарищей и можно любоваться со всѣхъ сторонъ прекрасными мѣстоположеніями.

Въ Готѣ остался капитанъ, дружески простился со мной, взялъ мой адресъ (онъ, можетъ быть, пріѣдетъ въ Москву) и далъ свою карточку, прося меня адресоваться прямо къ нему, если я буду имѣть какую-нибудь надобность въ Германіи.

Я продолжалъ свой путь въ кабриолетѣ съ двумя нѣмцами. У насъ скоро начался разговоръ, и меня спросилъ одинъ: не изъ Швейцаріи ли я?

— Нѣтъ, я—русскій.

— Т. е. лифляндецъ?

— Нѣтъ, природный русскій.

— А такъ хорошо говорите по-нѣмецки!

Эти нѣмцы мнѣ, какъ иностранцу, старались показать всѣ прекрасные виды, мимо которыхъ мы проѣзжали.

Наша дорога лежала мимо Тюрингенскаго лѣса. Какія прекрасныя горы и долины! Подъѣзжая къ Экзеноху, увидаль я замокъ Вартбургъ, гдѣ такъ долго жилъ Лютеръ, но я не имѣлъ времени осмотрѣть его. Одинъ изъ нѣмцевъ, моихъ товарищей, остался въ Экзенохѣ, а на его мѣсто сѣлъ кондукторъ, добрый, веселый человѣкъ, который смѣялся всякой бездѣлицѣ, и такъ отъ души, что я самъ не могъ не смѣяться. Наша дорога лежала черезъ гору; мы вышли изъ экипажа, чтобы взойти пѣшкомъ на гору; насъ было всего четверо. Грекъ съ другимъ нѣмцемъ взошли на близъ-лежащую вершину: „Какой прекрасный видъ!“ — вскричали они, — какъ виденъ весь Вартбургъ!“ Я вмигъ взбѣжалъ къ нимъ, и слышалъ, какъ грекъ сказалъ своему товарищу: „o er ist sehr brav!“ (онъ — молодецъ!). Переѣхавъ горы, снова встрѣчали мы много мирныхъ прекрасныхъ сельскихъ мѣстоположеній.

На другой день рано пріѣхали мы во Франкфуртъ-на-Майнѣ, и я остановился въ этой скверной гостиницѣ „Лебедя“. Вы уже знаете, милые, дражайшіе родители мои, какъ пріятно провелъ я тамъ время.

Наконецъ, извощикъ нанять; все готово; я сѣлъ въ коляску. Мой товарищъ былъ французъ пожилыхъ лѣтъ. Онъ спросилъ меня, говорю ли я по-французски, и получилъ утвердительный отвѣтъ.

Мало-по-малу начался у насъ разговоръ, — и, Боже мой, какъ ошутителенъ былъ для меня переходъ изъ сферы нѣмецкаго въ сферу французскаго разговора! Ахъ, что это за народъ французы! Фразы, фразы и фразы отъ начала до конца; ни одной опредѣленной, вѣрной мысли. Мнѣ такъ хорошо, когда я говорю съ нѣмцемъ, каковъ бы ни былъ предметъ разговора; говоритъ ли онъ такъ или не такъ, въ обоихъ случаяхъ слова его просты, ошибки его естественны, понятны ⁸⁶). Французъ — совсѣмъ другое дѣло. Во-первыхъ, когда онъ высказываетъ свое мнѣніе, точно будто онъ произноситъ при-

⁸⁶ и ⁸⁷) Сужденія К. С. Аксакова о нѣмцахъ и французахъ, кромѣ отмѣченныхъ мною раньше вліяній (см. примѣч. 82), объясняются еще и тѣмъ, что нѣмцы 80 лѣтъ тому назадъ, когда писалъ К. С. Аксаковъ, были значительно иными, чѣмъ теперь. Къ тому же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что К. С. Аксаковъ постоянно строго выдѣляетъ пруссаковъ изъ среды прочихъ нѣмцевъ, и сужденія его о пруссакахъ (см. напр., письма XV и XVI) обнаруживаютъ тонкую наблюдательность, большую мѣткость и удивительную прозорливость.

говоръ, будто, склонясь на ваши просьбы, онъ рѣшился сказать вамъ нѣсколько истинъ, и вамъ остается только его слушать, и, Боже мой, что за фразы отпускаетъ тогда французъ! ⁸⁷⁾ Да, чтобы вполне почувствовать особенность французскаго разговора, должно, какъ я, поговорить слишкомъ мѣсяць съ нѣмцами и потомъ вдругъ заговорить съ французомъ.

Тутъ была еще смѣшная сторона. Я уже нѣсколько привыкъ говорить по-нѣмецки, а потому путался безпрестанно въ французскихъ фразахъ: съ нѣмецкимъ извощикомъ начиналъ говорить по-французски, а съ французомъ по-нѣмецки. Пресмѣшно было видѣть, какъ французъ долго слушалъ меня, и, когда я, совершенно забывшись, продолжалъ объяснять ему по-нѣмецки, онъ говорилъ: *Monsieur, je ne vous comprend pas*, и тогда, спохватившись, начиналъ я съ нимъ говорить по-французски.

Я не замѣтилъ въ этомъ французѣ той деликатности, которую ожидалъ найти; онъ такъ грубо обращался съ нѣмцами, что мнѣ досадно даже становилось.

Съ нимъ вмѣстѣ ночью прѣехали мы въ Висбаденъ, и насилу нашли гостиницу, довольно плохую, гдѣ отвели намъ двѣ комнаты. Да, забылъ сказать, что невѣжество вообще я тоже встрѣтилъ въ французакъ, очень большое. Какое сравненіе съ нѣмцами въ этомъ случаѣ!

На другой день французъ, побранившись съ хозяиномъ, ни за что не хотѣлъ оставаться въ этой гостиницѣ, и мнѣ совѣтовалъ переѣхать въ другую.

— Если я не найду здѣсь своихъ пріятелей, то я нынче же отправлюсь въ Майнцъ,—сказалъ я ему.

— Такъ пойдемте-же, я поведу васъ въ *cabinet-litteraire*, гдѣ вы можете спросить себѣ журналы, гдѣ печатаютъ имена иностранцевъ, и найти тамъ вашихъ пріятелей.

Мы пошли въ *cabinet litteraire*,—я искалъ, искалъ и ничего не нашель.

Итакъ я взялъ лонъ-кучера, чтобы доѣхать до Майнца (миля съ небольшимъ). Со мной ѣхали еще два нѣмца: старый и молодой; у насъ скоро начался разговоръ, и когда я объявилъ имъ, что я — русскій, я увидалъ на ихъ лицахъ знаки удовольствія; молодой нѣмецъ, живой малый, далъ мнѣ свой адресъ, сказавъ, что онъ считаетъ долгомъ помо-

тать всякому иностранцу, чѣмъ только можетъ; другой нѣмецъ помнить, какъ русскія войска стояли въ Германіи, и знаетъ нѣсколько русскихъ словъ; онъ рассказывалъ мнѣ, что русскіе очень много пили водки, но что всегда исправно платили и никогда не брали ничего силой (это я уже нѣсколько разъ слышалъ), что они не ѣли салата, но мяса ѣли много.

Наконецъ, подѣхали мы къ Майнцу, и не безъ особеннаго чувства увидалъ я Рейнъ, эту славную рѣку. Я остановился въ гостиницѣ „Голландія“; поѣлъ и потомъ пошелъ бродить по берегу Рейна, по улицамъ. Видѣлъ много прекрасныхъ, выразительныхъ лицъ; видѣлъ памятникъ Гуттенберга. — Французъ предлагалъ ѣхать на одномъ пароходѣ и подождать его день, не общая, впрочемъ, навѣрное, пріѣхать; я, было, согласился, но мнѣ такъ хотѣлось ѣхать далѣе, такъ не нравился мнѣ этотъ французъ, что я рѣшился его не дожидаться и написать ему учтивое письмо.

И такъ утро слѣдующаго дня употребилъ я на то, чтобы писать письма. Вдругъ, еще въ одиннадцатомъ часу, увидалъ я пароходъ, который шелъ по Рейну. Боже мой, какъ я испугался, какъ бросился поскорѣе укладываться! Но, спросивши хорошенько, я узналъ, что это другой пароходъ, и успокоился, дописалъ письма и отправилъ.

Кажется, я не написалъ вамъ изъ Майнца, дражайшіе родители мои, т. е. не успѣлъ отправить.

Я написалъ письмо къ почтмейстеру, прося его пересылать письма въ Люцернъ; не знаю, дойдетъ-ли до него это письмо.

Наконецъ, собравшись совсѣмъ, пошелъ я въ первый разъ на пароходъ. Народу было много; все незнакомые люди; я сидѣлъ въ сторонѣ, читалъ книгу или смотрѣлъ на берега Рейна, то пологіе, то гористые; я замѣтилъ два развалившихся замка. Часа въ четыре сошелъ я кое-что поѣсть. Тутъ же, подлѣ меня, сѣлъ нѣмецъ, который, узнавъ, что я русскій, сказалъ, что уже Россія давно занимаетъ его, что черезъ годъ онъ надѣется туда поѣхать и остаться тамъ служить; онъ ѣхалъ только до Вормса, и потому мы скоро съ нимъ разстались. И такъ я видѣлъ, хотя съ берега, и Вормсъ, въ которомъ нѣсколько церквей прекрасной готической архитектуры.

Вечеромъ, прїѣхавъ въ Мангеймъ, перемѣнили мы парохдь, и большая часть пассажировъ осталась тамъ.

Вы уже знаете, милые, дражайшіе родители мои, какъ хороша была ночь эта, какъ наслаждался я ею. Возлѣ меня сѣлъ нѣмецъ, съ которымъ, какъ обыкновенно, начался разговоръ. Этотъ нѣмецъ рассказывалъ про пѣвческій праздникъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; я, къ сожалѣнію, не засталъ его; 600 мужскихъ голосовъ пѣли „Отче Нашъ“, другіе гимны и пѣсни. Это было что-то чудное, и нѣмцы съ энтузіазмомъ говорили объ этомъ днѣ. Мой нѣмецъ мнѣ показалъ книжку съ словами; слова были просты и прекрасны. Этотъ нѣмецъ былъ преживой и престранный: вдругъ вскакивалъ съ мѣста, начиналъ ходить взадъ и впередъ по палубѣ, напѣвать сквозь зубы, и опять садился.

На другой день, проснувшись, увидалъ я, что многіе еще спали, и особенно англичане, которыхъ можно было сейчасъ узнать; впрочемъ, тутъ былъ также одинъ французъ, котораго я принялъ за англичанина. Мы обѣдали въ каютѣ всѣ вмѣстѣ. Англичане были вообще очень учтивы. Наконецъ, къ вечеру всѣ пассажиры мало-по-малу высадились на берегъ близъ Карлсруэ, и насъ осталось только четверо: я, нѣмецъ-пруссакъ (другой нѣмецъ тоже оставилъ парохдь, дружески простясь со мной), швейцарецъ и французъ. Вечеромъ я писалъ въ каютѣ письмо, которое вы уже получили, дражайшіе родители мои, писалъ и еще; мнѣ было такъ грустно. Наконецъ, товарищи мои сошли также въ каюту, и мы всѣ скоро познакомились, потому что насъ было немного. Французъ (Vesard) принялъ всѣ совершенно привычки англичанина и говорилъ также довольно хорошо по-нѣмецки. Пріятно провели мы вечеръ, разговаривая вчетверомъ, поужинали (я ѣлъ мало, съ хлѣбомъ) и, наконецъ, легли спать; парохдь остановился часа на три, до разсвѣта, потому что въ этихъ мѣстахъ много мелей.

По утру, на другой день, были мы у берега и отправились въ Кель ⁸⁸⁾. Нѣмецъ-пруссакъ хотѣлъ все говорить со мной по-французски, и говорилъ пресмѣшно. Когда мы увидѣли границу Франціи, онъ сказалъ медленно: „Adieu, o mon pays de mon enfance!“ ⁸⁹⁾. Это повторялъ онъ часто. Французъ былъ

⁸⁸⁾ Крѣпость на правомъ берегу Рейна, неподалѣку отъ Страсбурга.

⁸⁹⁾ „Прощай страна моего дѣтства“!

въ Россіи, въ Петербургѣ, и онъ ему очень нравится. Онъ спросилъ меня, говорю ли я по-французски, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пустился говорить на своемъ природномъ языкѣ. Объявилъ, что онъ ненавидитъ англичанъ, что это, большею частію, народъ лживый, и что онъ не пропускаетъ случая унижить гордость англичанина. Странное дѣло! пока французъ говорилъ по-нѣмецки, въ немъ нельзя было замѣтить ничего французскаго, но какъ скоро онъ заговорилъ на своемъ національномъ языкѣ, такъ сейчасъ же обнаружилась вся его французская натура: сейчасъ пошли приговоры, фразы и пр. и пр.

— Русскій народъ, — сказалъ онъ, — довольно хладнокровенъ.

— Этого нельзя сказать, — возразилъ я, — русскіе — живой, дѣятельный народъ.

— Да, это правда. Русскій и хладнокровенъ и горячъ вмѣстѣ: когда онъ въ обыкновенномъ состояніи, то онъ хладнокровенъ, и его ничѣмъ нельзя расшевелить, но какъ скоро онъ вышелъ изъ себя, его уже нельзя ничѣмъ успокоить.

Я едва не засмѣялся и не сказалъ ни слова на мудрый приговоръ.

— Скажите мнѣ: отчего отъ васъ такъ хорошо пахнетъ? спросилъ меня вдругъ французъ.

Вопросъ былъ такъ страненъ, что я не вдругъ понялъ его, и съ изумленіемъ отвѣчалъ, что я не замѣчалъ никакого особенно пріятнаго запаха.

— Да, да, — продолжалъ французъ пресерьезно, — отъ всѣхъ русскихъ хорошо пахнетъ.

— Я этого не замѣчалъ до сихъ поръ.

— Нѣтъ, я такъ слышу этотъ запахъ; онъ похожъ нѣсколько на запахъ ладона и очень пріятенъ. Отъ англичанъ же вообще пахнетъ мыломъ.

Дивясь французскому обонянію, я не рѣшился противорѣчить Везару, который, со всѣмъ этимъ, добрый и, кажется, благородный малый. Онъ остался въ Келѣ, а мы, (т. е. я и пруссакъ) пошли до Страсбурга.

Заплативъ за мостъ, дошли мы до французской таможни, и тутъ долженъ я сказать, что чиновники не только не учтивы, но даже грубы. Въ таможнѣ прусской меня спросили, нѣтъ-ли со мной заграничныхъ вещей, такихъ-то; не

когда я сказалъ, что нѣтъ, и отперъ мой чемоданъ, то чиновникъ и смотрѣть не сталъ, повѣривъ моему слову, а здѣсь проклятый французъ перерылъ всю мою дорожную суму и вытащилъ вонъ всѣ книги, которыя я всегда укладываю съ такимъ стараніемъ.

— Это книги, все книги,—повторялъ я ему.

— Я вижу, что книги,—отвѣчалъ онъ,— да зачѣмъ же у васъ столько книгъ?

— Онѣ всѣ мнѣ нужны будутъ: мое намѣреніе—провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Швейцаріи; изъ Страсбурга я поѣду прямо въ Базель.

— Да какія это книги?

— Это нѣмецкая грамматика, это о началахъ слова, это о литературѣ и тому подобныя.

Но французъ сомнѣвался, хотѣлъ было нести показать кому-то книги, но, наконецъ, рѣшился отпустить меня. Какъ я бранилъ внутренно французскую таможеню!

Уложивъ кое какъ свои книги, я пошелъ далѣе съ Вольфомъ (имя нѣмца). На дорогѣ попались намъ молодые люди, скинувшіе сюртуки отъ жары, и звуки французскаго языка коснулись нашего слуха.

— *Ce sont des Francais déjà, mon cher*⁹⁰⁾,—сказалъ съ какою-то грустью даже мой Вольфъ.

Наконецъ, пріѣхали мы въ Страсбургъ. Намъ обоимъ отвели одну комнату, потому что мы не хотѣли остаться тамъ ночевать.

Мы пообедали, уложили свои вещи, которыя французская бдительность привела въ такой безпорядокъ, и пошли съ лон-бединтеромъ осматривать Страсбургскій соборъ.

На улицахъ встрѣчаются французскія лица, раздается французскій языкъ, мелькаютъ французскія мундиры. Хотя я никогда не былъ особеннымъ почитателемъ французовъ, а теперь сталъ еще менѣе, но это меня занимало: столько было слышано, говорено и читано о Франціи, что я не безъ удовольствія, не безъ особеннаго интереса смотрѣлъ вокругъ себя, видя, наконецъ, себя во Франціи, хотя и не настоящей. Почти всѣ жители говорятъ здѣсь и по-нѣмецки и по-французски.

⁹⁰⁾ „Это уже французы, мой другъ“.

Мы подошли, наконецъ, къ Страсбургской башнѣ, къ этой чудной башнѣ, рисунокъ которой вы, вѣрно, уже не разъ видали, милые, дражайшіе родители мои. Мы вошли во внутренность собора. Чудно! какъ хороши эти высокіе своды! Нѣсколько молящихся стояло на колѣняхъ.

Вышелши оттуда, пустились мы вверхъ на башню, пошли на площадку, и прекрасный видъ открылся намъ во все стороны. Тутъ лежитъ книга для путешественниковъ, гдѣ они вписываютъ имена свои и кому что вздумается.—Я взглянулъ, и первое, что увидаль, были русскія слова. Передо мной незадолго былъ какой-то русскій Ж. и написалъ цѣлую страницу, гдѣ подъ конецъ обращается онъ къ какой-то графинѣ, должно быть русской; много восклицаній и фразъ, но сквозь все это проглядываетъ истинное чувство. Я сѣлъ и написалъ ниже нѣсколько строкъ о готической архитектурѣ.

Выше нельзя было идти; если кто хочетъ, долженъ спрашивать особеннаго позволенія у мэра; итакъ мы сошли внизъ; оттуда отправились мы къ мэру, но только затѣмъ, чтобы взять обратно наши паспорта. Мы должны были нѣсколько дожидаться—и вдругъ увидѣли нашего француза, который остался въ Келѣ. Мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые знакомые; но наша встрѣча продолжалась не долго, потому что мы, взявъ свои паспорта, сейчасъ же пошли къ себѣ въ гостиницу.

Билетъ уже былъ у меня взятъ; письмо къ вамъ отправлено, дражайшіе родители мои; я былъ совсѣмъ готовъ; но Вольфъ не нашель себѣ билета въ томъ же дилижансѣ и просилъ меня уступить ему свой, потому что почему-то ему нельзя было ѣхать (онъ ѣхаль со мной только до Кольмара) въ дилижансѣ, который отходилъ два часа позже, а мнѣ можно; я согласился, съ тѣмъ условіемъ, если мнѣ найдутъ мѣсто въ кабриолетѣ въ другомъ дилижансѣ; мѣсто нашли, и Вольфъ уѣхаль; я подождалъ часа два, перенесъ съ лонбединтеромъ свои вещи на почту и сталъ дожидаться тамъ назначеннаго срока.

Тутъ видѣлъ я французское семейство, мирно сидѣвшее за своимъ столикомъ. Молодой человекъ отошелъ и сѣлъ за другой столикъ съ книгой.

— Вамъ надо готовиться еще къ экзамену,— сказала ему довольно пріятная собой молодая дѣвушка.

— Этотъ экзаменъ ничего не значить, *mademoiselle*,— отвѣчала тотъ, и принялся читать свою книгу.

Наконецъ, лошади были заложены, и я, надѣвъ свою шинель, пошелъ садиться на свое мѣсто. Тамъ уже сидѣло трое, мое мѣсто было среднее. Французы (то были французы) охали отъ жары, и когда увидѣли, что я сажусь въ шинели, то заохали еще больше, и одинъ пробормоталъ: „ну, можно-бы обойтись и безъ шинели“.

Я сѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ было несносно жарко и тѣсно. Мои товарищи, сохраняя, впрочемъ, всѣ законы учтивости, просили меня потѣсниться. Я снялъ шинель и положилъ ее въ ноги,—сдѣлалось просторнѣе.

Разговоръ начался у насъ скоро: какъ только остановили насъ при выѣздѣ, чтобы спросить каждаго, откуда онъ.

— Изъ Москвы, — отвѣчалъ я на вопросъ, который мнѣ сдѣлали.

— Какъ? вы изъ Москвы? спросили меня мои спутники, когда дилижансъ снова тронулся.

— Да.

— Ну, вы сдѣлали порядочный переѣздъ!

— Да, кажется.

— Скажите, видны ли въ Москвѣ слѣды нашей несчастной кампаніи ⁹¹⁾.

— Нѣтъ, Москва выстроилась вновь. Прекрасный городъ!

Разговоръ пошелъ далѣе, и я замѣтилъ то же самое въ моихъ спутникахъ, что вообще въ французахъ: такую же неопредѣленность въ мысляхъ, тѣ-же фразы, фразы и больше ничего.

Разговоръ, переставъ быть политическимъ, коснулся промышленности, и вотъ одинъ изъ моихъ спутниковъ (это были двоюродные братья) сталъ мнѣ рассказывать про безпрестанныя открытія и безпрестанныя *brevets* ⁹²⁾ во Франціи.

Можетъ быть, все, что онъ говорилъ, была правда, только многое показалось мнѣ невѣроятнымъ,—напр., сохраненіе свѣ-

⁹¹⁾ 1812 г.

⁹²⁾ Привилегіи; привилегіи ни изобрѣтенія.

жаго молока. Это изобрѣтеніе принадлежитъ, кажется, одному изъ знакомыхъ француза.

— Вамъ доставятъ, пожалуй,—говорилъ онъ,—свѣжее молоко изъ Парижа въ Москву.

— Удивительно! невѣроятно! отвѣчалъ я.

Долго еще разговаривалъ я съ этимъ моимъ спутникомъ, или, лучше, долго говорилъ онъ. Наконецъ, онъ почувствовалъ, что пора спать, что я уже давно чувствовалъ.

На другой день довольно рано приѣхали мы въ Кольмаръ. Тамъ перемѣнили дилижансъ. Французы ѣздятъ шибче, нежели нѣмцы. Здѣсь нѣтъ уже той чистоты и аккуратности. Французы остаются въ своемъ дилижансѣ, тогда какъ тѣ выходятъ на каждой станціи, что мнѣ въ нихъ очень не нравилось.

Здѣсь, въ Кольмарѣ, я тоже могъ замѣтить, что французскіе чиновники грубы.

Тутъ встрѣтилъ я Вольфа, который дожидался здѣсь тоже другого дилижанса.

— У меня былъ очень опасный сосѣдь,—сказалъ онъ,—онъ запустилъ было руку въ мой карманъ.

Мы напились здѣсь кофе и поѣхали дальше. Тутъ я простился съ Вольфомъ, который ѣхалъ въ Ліонъ.

Намъ дали мѣсто не въ кабриолетѣ, а надъ кабриолетомъ, гдѣ помѣстились мы трое и кондукторъ рядомъ. Почтальонъ сидѣлъ впереди.

— Здѣсь, на этомъ мѣстѣ,—сказалъ почтальонъ,—когда-то недалеко отъ деревни,—кажется, La sainte Croix,—изрублено пятьсотъ казаковъ; но тутъ много осталось и французовъ. На этомъ мѣстѣ посажены деревья.

Съ почтальономъ говорилъ я по французски и по-нѣмецки.

Когда мы приѣхали на станцію и перемѣнили лошадей, то къ намъ съѣлъ почтальонъ, какъ кажется, настоящій французъ.

— Adieu, Pérette, adieu, ma chère,—говорилъ онъ недурной дѣвушкѣ, стоявшей возлѣ, и я вспомнилъ сейчасъ же французскій театръ; я сейчасъ узналъ тѣ ухватки, то произношеніе, ту жизнь, которую видѣлъ тамъ, и которая, можно сказать, вѣрно передается.

— Eh, bien, courez, si vous voulez! Eh! m. Lafayette,—говорилъ онъ бѣлой лошади,—courez, courez!

Всю дорогу продолжалъ онъ такія восклицанія.

Наконецъ, пріѣхали въ Muhlhouse, какъ называютъ французы, или Мюльгаузенъ, какъ называютъ нѣмцы. Тамъ должны мы были дожидаться три часа, почему—право не знаю... Въ это время пообедали мы вмѣстѣ и снова пустились въ путь, опять занявъ прежнее мѣсто надъ кабриолетомъ, которое называется l'imperiale.

Вечеромъ, часу въ пятомъ или шестомъ, пріѣхали мы въ Базель и взяли въ одной и той же гостиницѣ особня комнаты. Ко мнѣ пришелъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, и мы долго говорили съ нимъ. Изъ этого разговора, изъ мнѣній, изъ разсказовъ его узналъ я образъ мыслей, который вообще руководствуетъ во Франціи. Признаюсь: хороши понятія! Конечно, необходимо и это развитіе жизни; конечно, объективно, съ этой точки зрѣнія можно съ интересомъ смотрѣть на французовъ и видѣть въ нихъ одну изъ сторонъ общей жизни, но я не имѣю охоты къ такимъ объективнымъ наблюденіямъ,— и потому, очень вѣроятно, не поѣду во Францію, еслибъ даже и время позволило. Французы—храбрый, добрый, пылкій народъ, съ стремленіемъ къ высокому; но совсѣмъ не на настоящемъ пути, а на пути внѣшняго, на пути разсудка. И эти двое молодыхъ людей—славные люди, если хотите; они полюбили меня, и я увѣренъ, что готовы все для меня сдѣлать,—но какія понятія, какая жизнь, естественная у нихъ! Мы долго разговаривали; стало темно; дверь открылась, и вошелъ еще одинъ спутникъ; разговоръ продолжался втроемъ. Они дали мнѣ свой адресъ, звали непременно въ Парижъ; я не противорѣчилъ, мы простились; одинъ изъ нихъ скоро женится, и потому онъ спѣшитъ осмотрѣть хотя немного Швейцарію.

На другой день я пошелъ съ лон-бѣдинтеромъ на почту; нѣтъ писемъ. Вы можете себѣ представить, какъ это было мнѣ грустно и огорчительно; нынче послалъ два письма въ почтъ-дирекціи: во Франкфуртъ и въ Базель, съ просьбой пересылать письма поскорѣе, если можно. Эти письма я франшировалъ. Меня утѣшаетъ нѣсколько то, что я и ни отъ кого не получаю писемъ: стало быть, это—неисправность почты, и, Богъ дастъ, я получу всѣ эти письма, если они только залежались въ почтъ-дирекціи.

О, дай Богъ только, чтобъ вы были спокойны и здоровы, милые и дражайшіе родители мои! Этого желаю я. Но я продолжаю свой разсказъ.

Съ почты зашелъ я съ лон-бединтеромъ къ банкиру и взялъ у него 400 франковъ. Банкиръ—очень учтивый и хорошій человекъ.

Такъ какъ дѣла мои были сдѣланы, то, оставивъ свой адресъ на почтѣ, взялъ я мѣсто въ кабриолетѣ дилижанса, и пошелъ домой.

Изъ Базеля отправилъ я къ вамъ письмо, дражайшіе родители мои, которое было еще начато во Франкфуртѣ, и вмѣстѣ съ нимъ два маленькихъ письма, писанныхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ.

Въ Люцернѣ пріѣхали мы поздно: часа въ 4 ночи. Я сказала всѣмъ моимъ эдѣшнимъ знакомымъ, хотѣвшимъ отыскать меня въ Люцернѣ, чтобы они освѣдомились обо мнѣ въ гостиницѣ „Золотого Рога“, гдѣ я рѣшилъ остановиться. Лон-бединтеръ, разбуженный моимъ приходомъ, бросился мнѣ отвести комнату—и, по моей просьбѣ, отвелъ мнѣ комнату съ хорошимъ видомъ. Мнѣ оправили постель, я легъ, заснулъ — и проснулся не прежде семи часовъ утра.

Кофе былъ уже готовъ. Тутъ услыхалъ я это несносное швейцарское произношеніе, которое такъ отличается отъ нѣмецкаго, что образуетъ почти особенный языкъ. Лон-бединтеръ говорилъ съ этимъ несноснымъ произношеніемъ, но еще сносно. Я объявилъ, что хочу нанять комнатку или двѣ въ домѣ за городомъ. Хозяинъ гостиницы указалъ мнѣ одинъ такой домъ, и я пошелъ посмотрѣть его съ лон-бединтеромъ.

Утро было прекрасное. Мы шли на высокую гору, гдѣ стоялъ этотъ домикъ. Видъ оттуда былъ превосходный. Но тамъ не было того уединенія, котораго искалъ я; этотъ домикъ не сходилъ съ понятіемъ, какое я себѣ составилъ о своемъ уединенномъ мѣстопребываніи, и потому я рѣшился искать еще, не зная настоящимъ образомъ, какъ и гдѣ. Мой лон-бединтеръ, нельзя сказать, чтобы былъ очень толковымъ малымъ. Я видѣлъ прекрасный рельефъ Швейцаріи, купилъ себѣ книжку съ видами озера четырехъ кантоновъ (Vierwalds Töchtern see) и сталъ смотрѣть въ ней, не найду-ли себѣ подходящаго мѣста. Я нашелъ много прекрасныхъ домиковъ по берегамъ озера и потому въ тотъ-же день рѣшился осмотрѣть

нѣкоторые на лодкѣ. Довезти меня туда взяли съ меня дорого; оттуда же, напротивъ, очень дешево. Волны были довольно велики; я плылъ только съ однимъ гребцомъ въ маленькомъ челнокѣ и самъ работалъ весломъ. Сдѣлалось темно, появились звѣзды, а мы еще были далеко отъ берега. Меня занимала мысль, что я плыву по Швейцарскому озеру, но и грустно мнѣ было въ то же время. Я разговаривалъ съ швейцарцемъ, кое-какъ понималъ его произношеніе, сказалъ ему, откуда я и что думаю скоро возвратиться домой. „Я понимаю васъ“, сказалъ онъ, „очень понимаю“. Наконецъ, приплыли мы, и я расплатился съ своимъ гребцомъ, добрымъ и честнымъ малымъ.

О, какая грусть напала на меня, по вечерамъ особенно, когда я сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ! Днемъ обыкновенно я искалъ себѣ домика. На третій день моего пріѣзда пошелъ я осмотрѣть одно мѣсто; туда должно было доѣхать на лодкѣ, и потому, подойдя къ рыбацкѣй избѣ, спросилъ я лодку. Рыбаковъ не было дома; но тутъ были сестры ихъ—двѣ швейцарки, которыя и взялись довести меня до мѣста и обратно. Я согласился, и мы поплыли.

Волны были небольшія, но челнокъ такъ качался на волнахъ, что я опасался опрокинуться, что, по словамъ перевозчицъ, было возможно. Дорогою онѣ безпрестанно смѣялись надъ моимъ нѣмецкимъ выговоромъ, а я бранилъ ихъ швейцарскій. Мы приплыли. Но и тутъ не удалось мнѣ нанять домика.

Сдѣлалось темно, начался туманъ, и меня стало пронизывать на-сквозь. Когда пристали мы къ берегу и я хотѣлъ расплачиваться, швейцарки пригласили меня къ себѣ въ хижину, гдѣ уже собралась вся семья рыбаковъ; меня напоили кофеемъ; я сталъ просить, чтобы спѣли мнѣ швейцарскія пѣсни; рыбаки согласились и вышли для того въ садъ. Пѣсни были хороши, но пѣли рыбаки плохо. Я объявилъ имъ, что давно ишу и никакъ не могу найти себѣ комнатки удобной, уединенной, съ хорошими видами изъ окошка.

— Не хотите ли у насъ? спросили рыбаки.

— Почему же и не такъ, отвѣчалъ я.

Но, признаюсь, говоря это, я думалъ, что дѣло не пойдетъ дальше словъ.

— Посмотрите,—сказаль одинъ рыбаць, взяль свѣтильню и повель меня наверхъ.

Комната была хороша, удобна, виды были прекрасны, и хотя положеніе хижины было не выгодно, на низкомъ мѣстѣ, хотя тѣсно было немного, но уединеніе, дешевая цѣна, добрые люди—все это побудило меня согласиться на предложеніе рыбаковъ. Я сказаль, что завтра переѣзжаю, а между прочимъ вынуль два франка и положиль на столъ, сказавъ, что это—на память.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала швейцарка, а за нею и рыбаки—нѣтъ, мы не хотимъ.

— Такъ это залогъ того, что я переѣду къ вамъ,—сказаль я и ушелъ.

Меня проводили до моей гостиницы.

На другой день, по утру я переѣхаль къ рыбакамъ и помѣстилъ въ своей комнаткѣ. Тутъ разложилъ я свои книги и сталъ заниматься.

Что касается пици, то я желаль ѣсть какъ можно умѣреннѣе и проще; но мои хозяева, которые меня полюбили, непремѣнно хотѣли, чтобы я ѣлъ много; на-силу отговорился я отъ ужина.

Здѣсь кончилъ я свою статью на грамматику Бѣлинскаго, которая теперъ исправлена и приведена въ порядокъ.

Много новыхъ мыслей приходятъ и готовы мнѣ придти въ голову. Только все это такъ ново, что одни примуть за хвастовство, другіе за фантазію, третьи скажутъ, что, напротивъ, это все уже извѣстно, и только немногіе поймутъ. Если я напишу только первую часть грамматики, то думаю представить на разсмотрѣніе Академіи, что также совѣтоваль и дяденька. Если ее одобрятъ, я напишу грамматику по той же системѣ и для училищъ. Ахъ, это было бы хорошо! это бы стало давать постоянный доходъ, отъ котораго я готовъ отказаться собственно для себя: тогда бы Гриша не сталъ бранить меня. Но это только мечты.

Я объявилъ своимъ хозяевамъ желаніе идти на Риги, высокую гору, лежащую на противоположной сторонѣ озера, и вотъ въ воскресенье въ 2 часа утра они разбудили меня.

Было темно. Мы сѣли въ лодку и поѣхали. Озеро было совершенно спокойно. Горы, огромныя горы стояли въ туманѣ. Звѣзды и мѣсяць отражались въ водѣ; мы одни только

на семь озеръ плыли въ три весла. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ настоящимъ образомъ утреннюю звѣзду, которую я какъ будто не видалъ прежде. Скоро начало свѣтать; звѣзды и мѣсяцъ стали блѣднѣть; небо поалѣло; но горы еще задерживали день. Мы пристали къ берегу и пустились на Риги. Выходъ, хотя нельзя сказать, чтобы былъ очень крутъ, но очень длиненъ и каменистъ. Взойдя довольно высоко, я обернулся: Пилатусъ, гора еще выше Риги, которая находится прямо предъ моимъ окошкомъ, сдѣлался весь розовый отъ зари; это было чудно. Еще выше и снѣга на горахъ также алѣли.

Наконецъ, послѣ труднаго пути, уставши и раскраснѣвшись, взобрался я на вершину, и какой чудный видъ! Озѣра точно были вдѣланы въ зеленныя рамы; города, деревни, лѣса, рѣка Рейсъ — съ одной стороны. Это былъ чудный, живой рельефъ. Съ другой же — исполинскія горы, цѣлая гряда снѣговъ, Юнгфрау виднѣлась издали.

Полюбовавшись, отправились мы назадъ. Сходить было немного лучше. Никогда я не потѣлъ такъ сильно. Моя рубашка была мокра, какъ будто бы лежала въ водѣ.

Когда я хотѣлъ заплатить моимъ хозяевамъ за труды и за то, что они заставили меня въ гостиницѣ выпить чашку кофе и два стакана мошта (это напитокъ очень вкусный, изъ сока грушъ и яблокъ), то они ни за что не хотѣли ничего брать, сказавъ, что на Риги они были для собственнаго удовольствія и что кофеемъ и моштомъ они меня угощали, и за это ничего не беретъся.

Я жилъ себѣ тихо и спокойно; только часто мнѣ было грустно, — такъ грустно, какъ не бывало въ дорогѣ. Да, на мѣстѣ больше испытываешь грусть, особливо по вечерамъ.

Писемъ нѣтъ до сихъ поръ; я не знаю, что и думать; написалъ письма къ почтъ-директорамъ во Франкфуртъ и въ Базель, чтобы пересылать немедленно; но писемъ все нѣтъ. Что это значитъ, дражайшіе родители мои? Грусть и беспокойство нападаютъ на меня. Меня утѣшаетъ только то, что я ни отъ кого не получаю писемъ: стало быть, виновата тутъ почта.

Когда, возвращаясь изъ города, приходилъ я грустный домой, то мои хозяева брали участіе въ моемъ горѣ, и всякій разъ спрашивали: получилъ ли я письмо; но я всякій разъ принужденъ былъ отвѣчать: нѣтъ.

Я жилъ мирно; радовался, что нашель самыхъ добрыхъ и честныхъ людей; но надо было, чтобы и тутъ вмѣшался, какъ говорить другъ мой Гофманъ, искуситель рода человѣческаго съ хвостомъ своимъ. Съ этими рыбаками живетъ ткачъ, женатый на одной изъ дочерей старой женщины, хозяйки дома. Однажды я захотѣлъ купаться; рыбаковъ не было дома, и этотъ ткачъ вызвался проводить меня. Когда мы были далеко отъ дома и одни, онъ сказалъ мнѣ:

— Я хочу что-то сказать вамъ, какъ другъ; но не измѣните мнѣ.

— Что такое? Говорите,—отвѣчалъ я, недовольный такимъ началомъ.

— Въ домѣ, въ которомъ живемъ мы, есть нѣкоторые люди которые добираются до вашей собственности.

— Какъ? Въ этомъ домѣ? Быть не можетъ. Это все люди прямые и честные.

— Конечно, такъ; но я живу съ ними дольше, и потому знаю ихъ лучше, нежели вы.

— Но если-бъ они были такъ корыстолюбивы, то они взяли бы отъ меня деньги, которыя я предлагалъ имъ.

— Я не говорю, чтобы они были нечестные люди; но кто знаетъ, что можетъ войти въ сердце человѣческое? Повѣрьте, въ Швейцаріи есть и злые люди, и у насъ былъ примѣръ, что одна дѣвушка, служившая пастору, убила его. Я ничего особеннаго не могу вамъ сказать, но только хочу предостеречь васъ, чтобы вы не оставляли не запертыми ваши вещи. Только вы не измѣните мнѣ, не выдайте меня.

Я не повѣрилъ словамъ ткача, и мнѣ гадко было его слушать. Я увѣренъ, что это—гнусный клеветникъ и что если кто добирается до вещей моихъ, такъ это онъ. Онъ, вѣроятно, замѣтилъ, что я не очень вѣрю ему и говорю съ нимъ холодно и отрывисто. Я искупался, и мы пошли домой.

— Вы не расскажете того, что я говорилъ вамъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я—не такой человѣкъ; но я увѣренъ, что предостереженіе ваше напрасно. Есть ли у васъ основаніе какое-нибудь?

— О, конечно,—отвѣчалъ онъ съ улыбкой,—я имѣю основаніе, имѣю.

Я не спрашивалъ далѣе; мнѣ было гадко.

Когда мы всходили на лѣстницу, онъ сказалъ, боясь, вѣроятно, что я слишкомъ серьезно принялъ разговоръ:

— Я особенно дурного не говорю вамъ, а только предостерегаю.

— Да, отвѣчалъ я.

Этотъ разговоръ сдѣлалъ на меня непріятное впечатлѣніе. Я не вѣрилъ этому человѣку, но все-таки это было сказано, уже былъ разговоръ такого содержанія; къ этому же, если не они, то этотъ ткачъ должно быть мошенникъ, и у него не можетъ быть доброе на умѣ; знать, что тутъ есть такой мошенникъ, мнѣ было уже непріятно; онъ будетъ бояться, чтобы я не сказалъ, будетъ продолжать свои плутни. Сверхъ того, это меня ставило съ ними въ такое отношеніе, которое мнѣ было очень непріятно. Стоило увидать рыбаковъ, чтобы увѣриться, что это все клеветы безстыднаго ткача; но не страхъ за мои вещи былъ бы мнѣ тяжель, еслибъ я узналъ даже, что онъ говорилъ правду, — стоило бы только усилить свое вниманіе, — но мысль, что я окруженъ не честными, прямыми людьми. Если бы узналъ я объ этомъ случайно, стороной, это было бы все же лучше, но мнѣ было объ этомъ сказано, донесено!

Какъ я уже говорилъ, я увѣренъ былъ и тогда, увѣренъ и теперь въ честности этихъ людей, а къ ткачу почувствовалъ отвращеніе. Это отравило мнѣ время моего пребыванія здѣсь, мнѣ хотѣлось видѣть Бернъ и Женеву, а потомъ эта грусть, дражайшіе родители, которая нападала на меня по вечерамъ — все вмѣстѣ заставило меня оставить свою комнату, гдѣ я прожилъ недѣлю безъ одного дня. Я взялъ билетъ, собрался, никому не говоря, и вдругъ, за нѣсколько часовъ до отъѣзда, объявилъ моимъ хозяевамъ, что ѣду въ Бернъ. Они дружески простились со мной; я расплатился и подарилъ имъ Вильгельма Теля съ надписью; одинъ изъ рыбаковъ донесъ мои вещи до почты; я сѣлъ въ дилижансъ и уѣхалъ въ Бернъ, откуда теперь и пишу эти строки, дражайшіе родители мои. Черезъ недѣлю ворочусь я въ Люцернъ — и, авось, найду письма.

Отвѣтъ на это письмо не посылайте въ Люцернъ, дражайшіе родители мои, а лучше въ Кельнъ, гдѣ, можетъ быть, буду я черезъ мѣсяць. Это будетъ вѣрнѣе.

Я ничего не могу сказать о моемъ возвратѣ, который будетъ не позже октября, не имѣя отъ васъ никакого извѣстія. Отсюда, изъ Берна посылаю я вамъ это огромное письмо, которое хотѣлъ послать не прежде, какъ дождавшись отъ васъ письма, дражайшіе, милые родители мои.

О, принеси меня Богъ опять домой, къ вамъ, и дай Богъ, чтобы я всѣхъ нашелъ здоровыми и веселыми.

Прощайте, дражайшіе родители мои. Крѣпко, крѣпко обнимаю васъ, цѣлую ваши ручки, братьевъ и сестеръ крѣпко цѣлую.

Видаю во снѣ даже мужиковъ, ямщиковъ русскихъ, на которыхъ такъ не похожи здѣшніе кислые почтальоны. Слышу во снѣ языкъ родной, которымъ занимаюсь здѣсь. О, когда-то я услышу его на яву, когда-то, сѣвши въ дилижансъ въ Петербургъ, закричу: „Въ Москву!“ Когда-то, прїѣду туда: увижу васъ, милые, дражайшіе мои родители, и всѣхъ братьевъ и сестеръ.

Прощайте, прощайте, дражайшіе родители мои, крѣпко обнимаю Васъ и всѣхъ братьевъ и сестеръ.

Вашъ *Костенька*.

Спѣшу, сейчасъ ѣду въ Женеву.

XXXI.

Изъ Цюриха.

Люцернъ, 14 (26) августа.

О, какая радость, милые, дражайшіе родители мои! Наконецъ, я получилъ отъ васъ письмо! Прїѣхавъ въ Люцернъ, я пошелъ на почту, и какъ обрадовался, когда на мой вопросъ почтмейстеръ отвѣтилъ:

— Да, есть письмо.

Поскорѣ взялъ я его и сѣлъ на ближайшую скамейку, чтобы прочесть.

О, какое это удовольствіе получить письмо отъ васъ, здѣсь, дражайшіе родители мои, и послѣ такой неизвѣстности! Ну, слава Богу!

Вѣрить-ли, что вы здоровы, дражайшій мой отесенька? Но я надѣюсь, вѣрю, что это такъ.

Вы пишете, что удивились, получивъ два письма, и такъ скоро; но знаете ли, милые, дражайшіе родители мои, что два или три письма пропали. Я писалъ вамъ два раза изъ

Риги и разъ изъ Кенигсберга. Изъ Дрездена писалъ я, если не ошибаюсь, три раза.

Если вы не получите описанія путешествія по Саксонской Швейцарии, то одна изъ самыхъ интересныхъ частей моего путешествія будетъ потеряна для васъ, дражайшіе, милые мой родители. Это было бы очень досадно.

Однако, стало быть, лон-бединтеры не всё честные люди: я имѣлъ глупость отдавать сначала имъ отправлять письма.

Я ѣду теперь въ Цюрихъ, дражайшіе мои родители, и тамъ буду продолжать письмо мое подробнѣе. Слава Богу, я получилъ письмо отъ васъ; можетъ быть, получу и другое скоро.

Осенью, Богъ дастъ, увидимся, осенью надѣюсь я воротиться въ Москву, къ вамъ, дражайшіе родители мои. Кстати вечера будутъ длиннѣе,—и сколько рассказовъ и разговоровъ!

Крѣпко, крѣпко обнимаю васъ, дражайшіе родители мои, милую Вѣру и всѣхъ братьевъ и сестеръ.

Зачѣмъ братья не написали ко мнѣ хотя нѣсколько строкъ?

Прощайте, милые, дражайшіе родители мои. Крѣпко цѣлую ваши ручки.

Вашъ *Костенька*.

XXXII.

Цюрихъ 18 (30) августа.

Въ тотъ же день еще пріѣхалъ я въ Цюрихъ, дражайшіе родители мои.

Цюрихъ—городъ прекрасный: не совсѣмъ такъ тѣсно выстроенный, какъ всё иностранные города; народу, движенія на улицахъ—пропасть; видъ на озеро прекрасный.

Но теперь я спѣшу сообщить, дражайшіе родители мои, все, что было со мною съ тѣхъ поръ, какъ я отправилъ къ вамъ мое письмо изъерна.

Бернъ, можетъ быть, великолѣпнѣе всѣхъ городовъ Швейцаріи; но, какъ я сказалъ уже, я терпѣть не могу способа, которымъ выстроены здѣсь всѣ города. Трогуары подъ сводами, лавки, магазины—блестящіе, народъ довольно красивый.

Я взялъ мѣсто въ дилижансѣ, который отправлялся въ Женеву; вещи мои отнесли на почту, и я сталъ прохаживаться на улицѣ до назначеннаго срока. Какое движеніе, Боже мой! сколько дилижансовъ! Безпрестанно пріѣзжаютъ,

высаживаютъ пассажировъ, и другіе скачутъ въ разныя стороны съ новыми пассажирами.

Въ Женеву отправляютъ два дилижанса въ одно время: одинъ черезъ Муртень, другой черезъ Фрейбургъ; тутъ я немножко попался въ просакъ: мое мѣсто было въ дилижансѣ черезъ Фрейбургъ, а вещи свои отдалъ я уложить въ дилижансѣ черезъ Муртень; но это была небольшая бѣда, потому что оба дилижанса сходятся въ Пайернѣ.

Дорога прекрасная, живописная. Фрейбургъ лежитъ на берегу оврага, черезъ который протянутъ чудный висячій мостъ, который, однако, нисколько не качается, когда по немъ ѣдешь. Церковь готической архитектуры и зданія училища выдаются изъ всего города; все это прекрасно.

Изъ Фрейбурга пріѣхали мы въ Пайерну; вещи мои были въ добромъ порядкѣ.

Въ дилижансѣ не было мѣста, и потому дали намъ коляску (supplement). Намъ было четверо: я, французъ изъ Парижа, французскій швейцарецъ и итальянецъ. Разговоръ начался о Россіи. Итальянецъ говорилъ о злоупотребленіяхъ католическаго вѣроисповѣданія, которыхъ такъ много въ землѣ его; французъ, живой, черноволосый, молодой человекъ маленькаго роста, говорилъ, что въ Парижѣ не много лучше. Къ разговору присталъ и я.

Чѣмъ болѣе я встрѣчалъ французовъ, тѣмъ болѣе подтверждается мое о нихъ мнѣніе. Народъ живой, храбрый, съ благородными порывами, но совершенно идущій по внѣшнему пути; народъ безъ поэзіи, безъ мышленія и почти безъ свѣдѣній. Все скоро, все поверхностно. Когда я сказалъ, что я—русскій и греческаго исповѣданія, то французъ пресерьено спросилъ меня: „La!Grèce adore Jesus Christ?“⁹³⁾ Каковъ вопросъ! Пресмѣшно, если начать разговоръ съ французомъ, разговоръ серьезный и о предметъ, нѣсколько выходящемъ изъ предѣловъ вседневности: какъ видно, что это совсѣмъ не его сфера! какъ онъ или говоритъ вздоръ, или соглашается не находясь, что отвѣчать! Но мой французъ скоро, однако, вошелъ въ свой элементъ, начавъ мнѣ рассказывать о достопримѣчательностяхъ и удовольствіяхъ Парижа, начавъ описывать жизнь его. Его слова утвердили меня въ намѣреніи, не ѣхать въ Парижъ, куда онъ звалъ меня, разумѣется. Что

⁹³⁾ „Греція исповѣдуетъ христіанство?“

въ самомъ дѣлѣ такая за жизнь въ Парижѣ? Это—вѣчное, непрерывное наполненіе пустоты тоже пустымъ, призрачнымъ, имѣющимъ только видъ жизни; и такъ какъ это наполненіе не можетъ дать настоящей жизни, а пустота безпрестанно производитъ усиліе наполнить себя чѣмъ-нибудь и не находитъ настоящаго содержанія, то отъ этого Парижъ находится въ состояніи вѣчно неестественномъ, напряженнымъ, люди кружатся въ какомъ-то вихрѣ, безумѣютъ.

Не думаю, чтобы Парижъ произвелъ на меня вредное впечатлѣніе. Я слишкомъ уже свыкъся съ истинною, прекрасною жизнью Германіи, съ твердымъ, основательнымъ путемъ, по которому идетъ она. Я—русскій, и, слава Богу, не лишень чувства поэтическаго, какъ французъ. Жизнь для меня существуетъ не какъ вѣчное, безпрестанное усиліе наполнить себя чѣмъ-нибудь, не какъ безпремѣнный рядъ перемѣнъ,—вѣтъ, жизнь для меня постоянно находится въ поэзіи, въ истинѣ, которую я ищу своимъ путемъ, въ чувствѣ наслажденія, производимомъ во мнѣ общею гармоніей, которую я безпрестанно, всюду замѣчаю. Я дышу свободно, я—не въ напряженномъ состояніи, чувство безконечнаго доступно мнѣ. И поэтому я люблю Германію, и въ ней мнѣ хорошо и свободно точно такъ же, какъ и въ милой моей Россіи, гдѣ доступна, гдѣ есть эта жизнь. Ею началъ я жить еще въ Оренбургской губерніи⁹⁴⁾, въ Надежинѣ⁹⁵⁾, въ Аксаковкѣ⁹⁶⁾, въ своемъ семействѣ, съ вами, дражайшіе родители мои.

Да, народъ русскій понимаетъ вполне высокую сторону нѣмцевъ, не имѣя ихъ внѣшней мелочной стороны, и судьба русскаго народа велика, велика будетъ.

Я не поѣду въ Парижъ: во всякомъ случаѣ, мнѣ будетъ тамъ непріятно, и я не желаю этого. Къ тому-же я долженъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы побыть въ Германіи.

Французъ не переставалъ говорить со мною до самой Лозаны, гдѣ мы пересѣли въ другой дилижансъ. Французъ остался въ Лозанѣ и хотѣлъ послѣ-завтра вечеромъ пріѣхать въ Женеву, чтобы отправиться со мной въ Шамуни.

⁹⁴⁾ Т. е. на родинѣ, еще ребенкомъ.

⁹⁵⁾ и ⁹⁶⁾ Названія имѣній Аксаковыхъ, гдѣ К. С. проводилъ свое дѣтство и раннюю юность.

которую я рѣшился видѣть еще по рекомендаціи Михаила Григорьевича ⁹⁷⁾, которому кланяюсь.

Всѣ прежніе мои спутники остались въ Лозанѣ; я сѣлъ въ карету съ новыми пассажирами, которыхъ даже не могъ и видѣть: было 12 ч. ночи. Предо мной сѣли двѣ дамы, возлѣ меня двое мужчинѣ, одинъ уже старикъ.

— Вотъ,—началъ старикъ, обращаясь къ дамамъ, — почтмейстеръ, уважая васъ, вашъ полъ, далъ вамъ лучшія мѣста, а если бы сенсимонизмъ вездѣ былъ принятъ, то вамъ бы не оказали такого предпочтенія. Сенсимонизмъ кажется мнѣ вещь совершенно противоестественною. Не правда-ли, милостивый государь? прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Совершенная правда! отвѣчалъ я, обрадовавшись, что встрѣтилъ человѣка, который понимаетъ нелѣпость сенсимонизма.

Тутъ мы пустились въ пространныя разсужденія, и мой сосѣдь спросилъ, не ученый-ли я.

— Я не знаю, какъ отвѣчать вамъ; конечно, предметъ мой будетъ наука,—отвѣчалъ я.

Скоро увидаль я, что мой сосѣдь какъ-то нечаянно, ошупью набрелъ на правильныя мысли, затѣмъ началъ говорить вздоръ и, принявъ меня за ученаго, захотѣлъ, видно, показать себя, сталъ на ходули, возвысилъ голосъ и пустился говорить фразы. Мнѣ тогда смѣшно было его слушать и хорошо, что было темно. Я слышалъ настоящую французскую декламацію, и прихожу къ мысли, что не только французы, но и всѣ, кому французскій языкъ природный, подходятъ подъ одну категорію; правда, у него проглядывали иногда сквозь декламацію мысли, но это было больше случайно, къ тому-же это былъ все-таки же нѣмецъ. Изъ многихъ словъ заключилъ я, что мои сосѣди принимаютъ меня за нѣмца, потому что я нѣсколько разъ говорилъ про Германію, да и, вѣроятно, по разговору видно было, что я не французъ.

— Вы должны быть очень краснорѣчивы на вашемъ природномъ языкѣ.

— Помилуйте.

⁹⁷⁾ М. Г. Павловъ (ум. въ 1840 г.)—профессоръ физики, минералогіи и сельскаго хозяйства, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и любимыхъ профессоровъ Московскаго университета (1820—1840) и одинъ изъ первыхъ въ Россіи приверженцевъ Шеллинга.

Эти женевацы знали нѣсколько словъ по-нѣмецки и пресмѣшно вмѣшивали ихъ въ разговоры. Старикъ женеваецъ (я бы могъ написать всѣ фразы, которыя онъ говорилъ мнѣ; но это много займетъ мѣста, и я оставляю ихъ до устныхъ рассказовъ,—Богъ дастъ, уже недалекихъ, милые, дражайшіе родители) запомнилъ, напр., слово *fleisch* (мясо) и пресмѣшно повторялъ его.

Тутъ былъ еще маленькій французъ изъ Ліона, котораго послали въ Германію учиться по-нѣмецки и который успѣлъ не много.

Часовъ въ 6 утра пріѣхали мы въ Женеву. Я остановился въ гостиницѣ „Орла“. Еще подъѣзжая, увидѣлъ я Женевское озеро и прекрасные берега, въ которыхъ лежитъ оно.

Въ Женевѣ еще больше движенія, нежели въ Бернѣ; ходя по улицамъ, безпрестанно встрѣчаешь объявленія о дилижансахъ, отправляющихся во всѣ стороны.

Я вышелъ изъ своей комнаты посмотреть на озеро. Оно мнѣ понравилось очень,—больше, нежели Люцернское, или, точнѣе, Фирвальдштетское: послѣднее совершенно сжато въ горахъ, которыя поднимаются прямо отъ поверхности воды; берега же озера Женевского расходятся въ обѣ стороны, образуя прекрасные зеленые скаты; озеру просторно, и вдали противоположный берегъ почти совсѣмъ исчезаетъ и виднѣется только туманною полосой. Цвѣтъ воды совершенно синій, или, лучше, голубой, тогда какъ цвѣтъ Люцернскаго—ярко-свѣтло-зеленый. Я прошелъ по мосту, зашелъ на островъ, на которомъ поставленъ памятникъ Руссо, и, походивъ немного, воротился домой; но тутъ напала на меня такая тоска, такое тяжелое состояніе, что я не зналъ, что дѣлать. Никакой охоты не имѣлъ я осматривать достопримѣчательности Женевы, потому и не осмотрѣлъ ихъ.

Гостиница „Орла“ совсѣмъ не отличная гостиница, но и она была полна совершенно. Три окна выходили на внутренній дворъ дома, и я безпрестанно видѣлъ движеніе и слышалъ шумъ. Стукъ въ кухнѣ начинался съ ранняго утра и продолжался до поздняго вечера; всего чаще кликали въ гостиницѣ Івана.

— Jean!

— Plait-il?—раздавалось сверху.

— Mais ou est donc? ⁹⁸).

Этотъ разговоръ повторялся очень часто и забавлялъ меня. Но, не смотря на все это, я чувствовалъ себя какъ-то не на своемъ мѣстѣ, не имѣлъ охоты ничѣмъ заняться и даже бранилъ себя, зачѣмъ поѣхалъ въ Женеву.

Наконецъ, началъ я думать о своей филологіи, и меня заняла мысль: что такое предлогъ? Мало-по-малу вникая въ значеніе этой формы слова, сталъ я понемногу понимать, опредѣлять его, и былъ очень радъ, когда, наконецъ, оно предстало мнѣ довольно ясно. Вы узнаете, милые, дражайшіе родители, это опредѣленіе, когда, Богъ дастъ, ворочусь я, наконецъ, въ Москву, къ вамъ.

На другой день, обѣдая за общимъ столомъ, сѣлъ я подлѣ нѣсколькихъ незнакомыхъ людей, которые заговорили со мной. Одинъ (это былъ бельгіецъ) возвращался изъ Италіи и рассказалъ намъ, что дилижансъ, въ которомъ онъ ѣхалъ, былъ остановленъ разбойниками на дорогѣ отъ Неаполя въ Римъ. Пассажировъ было 13: 10 мужчинъ и 3 дамы. Разбойниковъ 8.

— Но вы могли защищаться,—сказалъ я.

— Да, какъ бы не такъ. Они были вооружены съ ногъ до головы, а у насъ не было даже перочиннаго ножичка. Впродолженіи 2-хъ часовъ, — продолжалъ онъ, — были на насъ наведены ружья, пока они отыскиали ящикъ съ деньгами (10 или 20 тысячъ фр.), о которомъ они провѣдали. Они взяли наши кошельки и часы, но не тронули нашихъ чемодановъ. Я не жалѣю о деньгахъ, за которыя я имѣлъ случай видѣть ихъ. Но не могу простить имъ палочныхъ ударовъ, которыми они насъ надѣлили.

— Не правда-ли, что они внушаютъ уваженіе своею наруганностью? спросилъ одинъ сосѣдъ.

— И очень. Островерхія шляпы съ широкими полями, плащи, которыми они окутаны до самаго носа, потомъ ружья, кинжалы—все это очень сильное производитъ впечатлѣніе; къ тому же они не говорятъ ни слова, движенія ихъ грубы и рѣзки. Они показываютъ пальцами, куда должно идти, и тогда не надо мѣшкать!..

⁹⁸) — Жавъ!

— Что угодно? раздавалось сверху.

— Да гдѣ же онъ?

Бельгіецъ разсказывалъ это шутливо, съ такою серьезною миной, что всѣ мы отъ души смѣялись словамъ его.

Вечеромъ пошелъ я бродить по мѣсту для гулянья въ Женеvѣ; оно очень хорошо: на мѣстѣ старинныхъ укрѣпленій устроенъ садъ. Я перешелъ черезъ висячій мостъ, пошелъ дальше по берегу озера и сѣлъ тамъ. Время чудное. Взадъ и впередъ плыли лодки съ гуляющими; было почти тихо.

Побывъ тамъ довольно долго, воротился я домой. Вечеръ насталъ; пароходъ прибылъ изъ Лозаны, но моего французъ на немъ не было, и я рѣшился не дожидаться его и ѣхать посмотрѣть Шамуни.

На другой день взялъ я обратно мой паспортъ изъ полиціи, собралъ свои вещи и заплатилъ довольно щедро Жану, который донесъ ихъ до берега. Я рѣшился ѣхать съ пароходомъ до Villeneuve, оттуда черезъ Aigle, Vex, St. Maurice de Martigny и потомъ взять проводника черезъ горы до Шамуни: 8—9 часовъ перехода. При входѣ на пароходъ встрѣтилъ я моего французъ, который возвращался изъ Лозаны, и мы тутъ простились съ нимъ.

День былъ хорошъ, только нѣсколько вѣтренъ. Пароходъ плылъ, разсѣкая волны, которыя были самаго прекраснаго голубого цвѣта. Это плаваніе было очень пріятно; но скоро берега перемѣнились, скоро поднялись горы, крутыя, безплодныя, особливо съ правой стороны, скоро вдали заблѣлись снѣга. Мы проѣхали мимо Лозаны; этотъ городъ расположенъ красиво, и берега отъ Лозаны до Villeneuve очень живописны.

— Это—Шильонъ,—сказалъ мнѣ одинъ изъ пассажировъ, указывая на замокъ недалеко отъ Villeneuve и совершенно надъ водою.

Шильонъ! такъ вотъ онъ! Я вспоминалъ рисунокъ, который я видѣлъ, будучи маленькимъ. Мнѣ приходили въ голову стихи: „Шильонъ Леманомъ окруженъ“ ⁹⁹⁾ и пр.

Мы пристали, наконецъ, къ берегу, гдѣ стояли уже omnibusы до St. Maurice.

Дорога отъ Villeneuve до St. Maurice—самая пріятная, какую я только видѣлъ въ Швейцаріи; она идетъ по прекрасной долинѣ, между двумя рядами тянущихся горъ, которыя

⁹⁹⁾ „Шильонскій замокъ“, поэма лорда Байрона, въ переводѣ В. А. Жуковскаго.

иногда раздвигаются, и долина становится шире, или, сдвигаясь, опять сжимаютъ ее. Горы часто покрыты виноградниками. Время было превосходное: вечеръ, тихо, уже темнѣло. Мнѣ было очень пріятно. Остальной дороги до С. Мориса я не видалъ, потому что это было довольно поздно ночью. Въ Морисѣ я поужиналъ.

Меня разбудили рано, и я нанялъ коляску за 5 фр. до Мартиньи. Я вспомнилъ дорогой пѣсню: „Gustave et vous, Maurice“ и пр., и пѣлъ ее, вспоминая, какъ пѣли мы ее дома. Небо покрылось тучами, пошелъ дождь.

Я долженъ былъ проѣхать мимо водопада, и вотъ я издали уже увидѣлъ его. Не доѣзжая, выскочилъ я изъ коляски и подошелъ поближе. Передо мной падалъ, валился водопадъ, бѣлый совершенно. Точно будто дымъ какимъ-то чудомъ падалъ внизъ. Когда поднимаешь голову, то наверху эта бѣлая масса, кажется, медленно валится, но, взглянувъ ниже, видишь все то стремленіе, съ которымъ шумно падаетъ вода на камни, разсыпается въ брызги, движется и бѣжитъ быстро между каменьями, уже свѣтлая, прозрачная. Дальше стремленіе ея теряетъ свою быстроту, и она спокойно льется. Я хотѣлъ видѣть водопадъ поближе и, перескакивая съ камня на камень, подошелъ довольно близко. Это въ самомъ дѣлѣ чудесно. Я хотѣлъ идти еще далѣе, оступился, попалъ въ воду... Ничего, иду себѣ далѣе, чтобы посмотрѣть съ другого мѣста. Тутъ пошелъ дождь, дунуль вѣтеръ, и я вмигъ былъ вымоченъ съ ногъ до головы водяною пылью, дождь также помогъ, и я воротился въ коляску мокрый. Тутъ же купилъ я у одной женщины разные камешки, найденные близъ водопада.

Эти два дня въ моемъ путешествіи (т. е. этотъ и слѣдующій) можно назвать мокрыми днями; никогда я еще не былъ такъ отлично вымоченъ; но это ни малѣйшаго не произвело вліянія на мое здоровье; иначе бы я вамъ и не писалъ объ этомъ, дражайшіе родители.

Итакъ мокрый пріѣхалъ я въ Мартиньи... Но до слѣдующаго раза, милые, дражайшіе мои родители. Спѣшу къ вамъ послать это письмо, за которымъ скоро надѣюсь отправить другое. Прощайте, дражайшіе родители мои.

Не сердитесь на Ивана¹⁰⁰⁾: онъ имѣеть чувства, въ этомъ я увѣренъ, это я имѣлъ случай видѣть; онъ—малый не дюжинный, это тоже правда; въ немъ много недостатковъ, но къ нему должно быть снисходительнѣе. Прощайте, дражайшіе родители мои. О, когда-то я буду съ вами, милый мой отесенька и милая моя маменька, въ Москвѣ, среди семейства! Крѣпко, крѣпко обнимаю васъ и цѣлую ваши ручки.

Вашъ *Костенька*.

Обнимаю добраго нашего Михайла Петровича¹⁰¹⁾.

Сообщилъ *Анатолій Александровъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁰⁰⁾ И. С. Аксаковъ, младшій братъ К. С. Аксакова, впоследствии извѣстный публицистъ-славянофилъ.

¹⁰¹⁾ М. П. Погодина, извѣстнаго историка, археолога и журналиста (1800—1875), проф. русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, друга Гоголя и друга семьи Аксаковыхъ.

Послѣ этого письма тою же рукой, какою переписана большая часть рукописи, написано: „Конецъ первой части. Копчена 1838 года. 24 сентября, въ 9 часу вечера въ Петровскомъ“.